

УДК 364.35:316

Д.М. Рогозин

СКОЛЬКО НУЖНО ЗАРАБАТЫВАТЬ, ЧТОБЫ ОСМЫСЛЕННО ГОВОРИТЬ О НАКОПИТЕЛЬНОЙ ПЕНСИИ?

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: nizgor@gmail.com

Аннотация. На основании обследования россиян трудоспособного возраста, проведенного Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС в ноябре 2012 г., определены стоимостные границы осмысленного отношения россиян к накопительной части трудовой пенсии. Наиболее рационально и взвешенно к накопительной системе относятся люди, чьи минимальные требования к заработной плате превышают 50 тыс. руб. в месяц. Вторая группа, с минимальными требованиями в пределах 30 тыс. руб. в месяц, состоит из оригиналов, не поддающихся типологизации и непредсказуемо действующих на потребительском рынке. Третья группа (минимальными требованиями к зарплате от 20 до 28 тыс. рублей в месяц) представляет молчаливое большинство, нуждающееся, по мнению авторов, в проведении с ней просветительской работы и развитии «вкуса» к долгосрочному планированию. Четвертая группа, характеризующаяся наименьшими доходами и наиболее фантастическими ожиданиями от будущих пенсионных поступлений, представляет зону риска для накопительной системы, ее представители экономически и психологически не готовы к осмысленным операциям на финансовом рынке.

Ключевые слова: доходы, оплата труда, накопительная часть трудовой пенсии, пенсионная реформа, пенсионные ожидания, социально-экономическое моделирование, субъективный коэффициент замещения, субъективные оценки, благосостояние, типология, потребление

...в молодости, когда Любищев был хорошо обеспечен, и в старости, когда он получал скромную пенсию, он одинаково не стремился иметь много, ему нужно было лишь необходимое. Необходимого ему всегда было достаточно, а достаточного, как известно, не бывает мало. Оно, необходимое, хорошо тем, что не тяготит, не бывает лишним, не надоедает, как не могут надоесть вода, хлеб, свет, стол...

Даниил Гранин. Эта странная жизнь

Выбор той или иной пенсионной системы в основном опирается на политическую аргументацию. Сторонники накопительной системы ратуют за либерализацию экономических отношений, снижение роли государства, возможность самостоятельного выбора и право человека ошибаться или принимать верные решения относительно своих финансов [13, 18,

19, 24]¹. Борцы за страховую систему с установленными государством нормами покрытия апеллируют к справедливости и обязанности социального государства заботиться о своих гражданах. Отстаивая левые позиции, они делают акцент на системе равномерного распределения социальных благ среди нуждающегося старшего поколения, с их точки зрения уже не способного заниматься производительным трудом и обеспечивать собственное существование. П. Фрерикс указывает на возрождение государственного дискурса, как минимум, в немецкоязычной среде, называя его неоэтанализмом [17, р. 724]. Возвращение государству доминирующей роли на пенсионном рынке обосновывается пошатнувшимися позициями граждан, перекосом интересов в сторону крупного бизнеса и негосударственных финансовых институтов. По мнению представителей неоэтанализма, только государство обладает достаточными правами и возможностями по защите прав граждан и обеспечению последних материальными благами после завершения трудоспособного возраста [21]. Основная критика накопительной системы со стороны неоэтаналистов аргументируется значительными рисками, связанными с отказом от солидарного перераспределения, которые прежде всего несут низкодходные слои населения. Опираясь на российские статистические данные, В.Д. Роик дополняет аргумент нарушения справедливости в накопительной системе еще тремя доводами, связанными с отсутствием выгод от пенсионных накоплений в условиях перманентной инфляции:

- даже при незначительном превышении темпов роста заработной платы над темпами роста инфляции за 30–45 лет (срок накопления пенсионных прав) размеры накоплений и, соответственно, пенсий будут несоразмерно малы по отношению к возросшей по уровню (за этот период) заработной плате;
- индивидуальный характер накопления финансовых средств и отказ от механизмов солидарного перераспределения средств между застрахованными существенно повышает риски ненакопления приемлемых по размерам финансовых средств в случае ранних форм инвалидности работников, значительных периодов учебы, болезни и безработицы, а также при низких размерах заработной платы;
- низкие уровни доходности от размещаемых ресурсов. По оценкам О.Г. Дмитриевой, в 2004–2009 гг. доходность инвестирования накопительной части пенсии в государственной управляющей компании выросла в 1,4 раза, в среднегодовом исчислении — в 1,058 раза. Доходность в частных управляющих компаниях за этот же период повысилась в 1,32 раза, а среднегодовая доходность составила 1,047 раза, т.е. менее 5% за год. За этот же период инфляция выросла в 1,86 раза, индексация страховой части пенсии — в 2,81 раза, а рост средней заработной платы составил 3,37 раза. Таким образом, за 6 лет (2004–2009) накопленный пенсионный капитал обесценился из-за инфляции на 25%, а относительно средней заработной платы — на 59% [8].

В такой аргументации распорядитель личных денежных средств, или человек, непосредственно участвующий в формировании накопительной части своей пенсии, лишен

¹ Развивая неолиберальный подход, Всемирный банк еще в середине 1990-х гг. опубликовал рекомендации по переходу от системы оплаты по достижению установленного возраста (PAYG — pay as you go) к оплате из накопленных средств (fully-funded system). Лишь с небольшими дополнениями в 2000-х гг. Всемирным банком был подтвержден курс на либерализацию пенсионных систем [25]. Ч. Джанк и Дж. Уолкер отмечают, что за 10 лет с 1994-го по 2004 г., Всемирный банк фактически сформировал пенсионные системы не менее 51 страны. Россия входит в этот список.

каких-либо свойств действующего лица. Он остается лишь пассивным участником экономического спектакля с известным исходом — постепенным истончением накопленных средств из-за низкой эффективности управляющих компаний и общей неблагоприятной для долгосрочных инвестиций финансовой среды.

Напротив, экономисты, придерживающиеся неолиберального подхода, пытаются построить модели рационального поведения, предлагая те или иные сценарии, в основе которых лежат ограничения на ресурсы, обдуманное поведение индивидуума, отсутствие жесткого регулирования со стороны государства и последовательная приватизация (см., например, [2, 3]). Как первая, неолиберальная, так и вторая, неозтатистская, аргументации весьма далеки от бытовых реалий, обыденной жизни тех самых граждан, о которых так заботятся представители разных направлений.

Не принято в нашей стране советоваться с населением и даже с независимыми специалистами. Зачастую результаты обсуждений, если они и проводятся, заканчиваются поддержкой предлагаемых решений, несмотря на критическую оценку. Примеров много: пенсионные законы, закон о монетизации, снижение на треть страховых взносов с 2005 г. и т.д. [4].

В результате политических и экономических споров в России, как и в большинстве стран Восточной Европы, возникла гибридная система, отчасти учитывающая интересы всех сторон, но полностью не удовлетворяющая ни одну из них.

Культура обеспечения старшего возраста в значительной мере формируется под влиянием двух концептов: коллективистской гражданской оплаты (*распределительная часть*. — Курсив мой. — **Д.Р.**), с одной стороны, и самостоятельно оформленной пенсии (*накопительная часть*. — Курсив мой. — **Д.Р.**), включая соотносимый с последней рыночный этос, с другой. Отпалкиваясь от необлагаемых сберегательных планов и чистых универсальных пенсионных ставок, все уровни современных пенсионных систем строятся на смешанных рациональностях. Таким образом, гибридная культура обеспечения старшего возраста с гражданской оплатой и индивидуальной пенсией формирует две полярные рациональности на динамичном континууме [10, р. 701].

Континуальность современных пенсионных систем прежде всего обеспечивается смешением частных и государственных интересов в формировании будущих платежей. Хотя основной компонент самостоятельно сформированной пенсии складывается из частных, а государственной (гражданская оплата, в терминологии Боуд) — из публичных обязательств, обе формы так или иначе пересекаются, к тому же они захватывают обязательства, которые несет работодатель. Таким образом, конституируется трехчастная форма пенсионного обеспечения, в которой значимыми элементами становятся государство, работодатель и работник.

С середины 1990-х гг. большинство развитых мировых держав существенно понизили роль государства в обеспечении старшего поколения, предложив альтернативные пенсионные модели [22, S9], что еще более закрепило смешанные трехчастные модели пенсионных систем: традиционная государственная минимальная пенсия, дифференцированная лишь по степени утраты трудоспособности и возрасту; накопительные отчисления из фондов оплаты труда, регулируемые законодательством страны и зависящие от страхового вклада человека; добровольные профессиональные пенсионные системы и дополнительные накопления, производимые гражданами в частном порядке [5, с. 23; 7, с. 7; 20, р. 582–583]. М. Райн и С. Берендт пишут о смешении публичного и частного, материализации комплексных, запутанных представлений о правилах пенсионных возмещений [23]. Маркетализация пенсионных обязательств стала уже общим местом в мировой экономической политике [10, р. 696]. П. Фрерикс указывает на принципиальную возможность совмещения

неолиберального и неэтантического подхода к формированию пенсионных накоплений [15, р. 727–728]. Государство отказывается от тотальных обязательств по пенсионному обеспечению, но не снимает с себя обязанности регулирования отношений между гражданами и частными фондами. Страны бывшего социалистического лагеря лишь подхватили общемировую тенденцию приватизации государственных пенсионных обязательств или постепенного перевода государственных форм пенсионного обеспечения в частные фонды и финансовые институты [6, с. 14–15].

Очевидно, что модель социального государства, перераспределяющего ресурсы из высокорентабельных отраслей в пользу всего населения, усредняющая тем самым доходы старшего поколения, провалилась. Причины этого носят как экономический характер — ограничение финансовых возможностей, так и социальный — неготовность одних поступиться своими доходами в пользу других и завышенные ожидания последних о собственном справедливом доходе [14]. В этих условиях перекладывать на граждан ответственность за неудачные политические решения не столько несправедливо, сколько опасно, так как это грозит социальными потрясениями. С одной стороны, накопительная система пенсионирования в такой перспективе выглядит более привлекательно. Если ситуация с социальными выплатами не может быть решена одинаковым образом на уровне всего населения, и неминуемо возникнут проигравшие в общем разделе финансового пирога, лучше дать людям возможность самим принимать решения и нести риски по их последствиям. С другой — всегда будут граждане, по тем или иным причинам не способные или не желающие включаться в долгосрочную экономическую игру, начало которой коренится в выборе первого образования и места работы, а развязка — в стабилизации доходов на некотором приемлемом уровне в пенсионном возрасте. Неопределенность личной ситуации, неуверенность в себе и собственном окружении, опыт сильных экономических потрясений отнюдь не способствуют размеренному экономическому прогнозированию, не подталкивают к построению личных финансовых сценариев с расчетом графиков движения денежных средств на десятилетия вперед. Подобная амбивалентность делает гибридные пенсионные системы удивительно устойчивыми [16] даже при многочисленных вопросах к их эффективности [4, 9].

Принимая начальные условия о существовании разных пенсионных правил, разумно определиться с их реципиентами, или теми группами людей, которые готовы воспринять и включиться в воспроизводство предложенных социально-экономических отношений. Базовая характеристика человека экономического — уровень его доходов. Можно ли, опираясь лишь на этот параметр, ответить на вопрос о целесообразности включения его в накопительную систему пенсионирования? Другими словами, можно ли определить уровень дохода, начиная с которого целесообразно взимать взносы на обязательное пенсионное страхование? Ответ на такую постановку вопроса очевиден — можно. Достаточно построить очередную модель с некоторым набором начальных условий. Наша задача иного рода. Как, исходя из личных предпочтений людей, выделить группу, адекватно воспринимающую накопительную систему и способную рационально принимать решение об участии в ней? Кому выгодна накопительная система? С какого уровня доходов люди готовы в ней участвовать? Речь не идет о фиксации мнений с последующей их табуляцией по уровню дохода. Необходимо аналитическими средствами показать осмысленность пенсионных решений для определенных групп людей, целесообразность включения последних в столь долгосрочное финансовое предприятие.

Базовые гипотезы

Накопительная система пенсионных накоплений представляет собой форму сберегательного вклада. От срочных вложений в банках ее отличает лишь весьма длительный срок и потенциально большая, гарантированная государством надежность.

Соответственно, доход от таких вложений должен лишь с небольшой маржой покрывать уровень инфляции и уступать доходности, предлагаемой коммерческими вкладами. Низкая процентная ставка — всего лишь цена за стабильность и надежность будущих пенсионных начислений. Рациональная и предельно индивидуализированная накопительная пенсионная система требует к себе экономически рационального отношения. Во-первых, ее участниками могут быть лишь рационально мыслящие индивиды. В противном случае возникают риски обманутых ожиданий, неудовлетворенность и разочарование будущими пенсионными выплатами. Во-вторых, осмысленность пенсионных накоплений очевидна лишь в том случае, когда они позволяют покрывать минимальный уровень потребностей в денежных средствах. Сколько ни рассуждай об эффективности вложений, они не выйдут за пределы игровой, надуманной ситуации до тех пор, пока не будут удовлетворять текущие нужды ограниченного в источниках доходов пенсионера. Вторая посылка состоит из двух независимых условий: величина пенсионных выплат должна быть достаточной для безбедного существования и должна соответствовать ожиданиям вкладчика, его потребностям и предпочтениям, сформировавшимся на момент выхода на пенсию.

Фундаментальная проблема защиты доходов в старшем возрасте — это обеспечение адекватного уровня потребления людьми, у которых значительно снизились возможности обеспечивать себя самостоятельно посредством трудовой активности [12, р. 84].

Необходимость существенно ограничить текущие расходы в связи с сокращением поступлений неминуемо приведет к неудовлетворенности и переоценке значимости накоплений. Обращаясь к марксистской традиции, скажем, что пенсионные накопления соответствуют любому другому финансовому продукту и обладают двумя видами стоимости, или ценности: меновой и потребительской. Первая отвечает за абсолютные значения будущих начислений, которые должны, как минимум, покрывать прожиточный минимум; вторая — за ожидания и предпочтения получающего пенсионный доход индивида. Отсюда можно сформировать ряд гипотетических суждений:

1. Удовлетворенность текущими доходами напрямую связана с возможностью рациональных суждений о будущих доходах. Индивид, не удовлетворенный текущим финансовым положением, имеющий нереализованные экономические амбиции, не сможет адекватно оценивать свое финансовое положение в долгосрочной перспективе. Чем сильнее расходятся финансовые ожидания с фактическим состоянием дел, тем более фантастическим и нереальным может быть экономическое описание будущего, представленное таким человеком.
2. Рост уровня доходов приводит к росту рациональных оснований в принятии решений. Другими словами, индивид, получающий большой доход, с большей вероятностью будет рационально к нему относиться. И менее вероятно, что индивид, получающий меньшие доходы, будет более осмысленно принимать решения о будущих тратах и поступлениях.
3. Исходя из текущих условий, можно рассчитать диапазон заработной платы, в котором разумно вести речь о накопительной составляющей. Аналогично можно показать минимальные границы текущего дохода, в которых разговор о

накоплении пенсии становится бессмысленным не только по экономическим, но и по социально-психологическим основаниям.

Вопрос о стоимостных границах накопительной пенсионной системы не может быть редуцирован до экономической аргументации, в основе которой лежит тезис о старении населения [1, с. 24]. Важнейшей детерминантой остается субъективно полагаемый смысл пенсионных поступлений, накопительная часть которых предполагает рациональное, самостоятельное и ответственное решение о будущих личных доходах. Насколько человек экономический может быть объяснен через слой социальных переменных — вопрос, заслуживающий весьма тщательного рассмотрения.

Объект и метод исследования

«Задача пенсионной реформы заключается не только в улучшении положения тех, кто уже вышел на пенсию, но и в решении проблем будущих поколений пенсионеров» [7, с. 16], поэтому в качестве целевой группы мы выбрали людей трудоспособного возраста: мужчины от 18 до 60 лет, женщины от 18 до 55 лет включительно. Опрос проведен в ноябре 2012 г. Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС на общероссийской выборке по мобильным телефонам. Объем выборки — 2000 респондентов. География исследования — 81 субъект РФ.

Выборку генерировали случайным образом исходя из префиксов, приспанных определенным регионам. В результате произошли смещения относительно данных Росстата в сторону более молодых групп. Возрастное смещение определено выбором канала связи — мобильными телефонами чаще пользуется молодежь, нежели старшее поколение. Географическое смещение — больше представлен Дальневосточный федеральный округ. Выборка скорректирована на оба типа смещения посредством перевзвешивания — стандартной процедуры, реализованной в любом статистическом пакете.

Опрос проводился Воронежским и Новосибирским колл-центрами с тотальной записью всех соединений на аудионоситель. Это позволило совместить количественные оценки получаемых распределений с качественными характеристиками ответов, не только проанализировать статистические связи между зависимыми и независимыми переменными, но и проинтерпретировать смыслы, которые люди вкладывают в обсуждение того или иного вопроса.

Измерение отношения к текущим доходам

Еще во время подготовки пилотажа опросного инструмента мы обратили внимание на вопрос о текущем минимальном уровне оплаты труда. Первоначально предполагалось задавать триаду вопросов, в которой первый, о минимальной оплате, служил бы разогревающим, снижал напряженность от чувствительности третьего вопроса (табл. 1).

Однако даже в такой последовательности третий вопрос во время пилотажа вызывал у более трети респондентов нежелание отвечать и явно снижал готовность к дальнейшему разговору, поэтому мы его сняли с основной выборки, решив не рисковать всем массивом ради методического эксперимента. Напротив, первый вопрос оказался весьма продуктивным как на пилотаже, так и в выборке в целом. Количество затруднившихся с ответом по нему минимально не только для чувствительных вопросов о доходах, но и для любых других вопросов, задаваемых на нейтральные темы. Называя минимальную заработную плату, человек не воспринимает свой ответ как некоторое раскрытие личной информации. В разговоре речь идет скорее о мнении и готовности на что-то пойти. Люди охотно аргументируют собственную

позицию, не задумываясь о конфиденциальности информации. Так, молодая мама с тремя детьми аргументирует минимальную для себя зарплату в 15 тыс. рублей слишком низкими детскими пособиями, давая интервьюеру понять, что эта сумма составляет ее некоторый прожиточный минимум (фрагмент 1).

Таблица 1 Вопросы о текущем доходе

№	Вопрос	Затруднившиеся с ответом	
		Человек	%
1	За какую минимальную зарплату (рублей в месяц) вы согласились бы работать?	59	2,9
2	А сколько рублей в месяц вы хотели бы получать, чтобы жить в достатке?	170	8,5
3	А сколько в среднем сейчас рублей в месяц вы лично получаете, включая все источники доходов?	Не задавался	

Фрагмент 1

Женщина, 35 лет, временно не работает, станица Красноярская, Ростовская область

1. **И. (интервьюер):** За какую минимальную зарплату Вы сейчас согласились бы работать, в месяц?
2. **Р. (респондент):** (пауза, вздыхает) Ну хотя бы, хотя бы (пауза)... считая, что у меня трое детей... детские очень маленькие... ну, где-то тысяч пятнадцать, хотя бы (подчеркивая интонационно «хотя бы»).

Аргументация минимальной зарплаты озвучивается каждый раз, когда респондент называет сумму, немногим большую воспринимаемого им среднего уровня заработных плат в регионе. Тем самым подчеркивается серьезность и осмысленность ответа, неигровое основание приводимых цифр (фрагмент 2).

Фрагмент 2

Мужчина, 37 лет, работает, Санкт-Петербург

1. **И:** За какую минимальную зарплату, рублей в месяц, Вы сейчас согласились бы работать?
2. **Р:** (пауза) В месяц рублей, если работать? Ну, смотря какая работа.
3. **И:** Ну, любая работа.
4. **Р:** Если в среднем уровне по эксплуатации, если можно так сказать, за шестьдесят, я бы согласился бы. Хотя бы по таким расходам... У меня, допустим, нет собственного жилья. Мы снимаем квартиру.
5. **И:** На жилье уходит много.
6. **Р:** Да, на жилье уходит много. Туда, сюда, поэтому шестьдесят для нас — маленькая (сумма), честно говоря.

Гораздо чаще на вопрос о минимальной зарплате респонденты вовсе не приводят аргументов, легко называя приемлемую для себя сумму, а на следующем вопросе о зарплате, которая бы обеспечивала достаток, уже предлагают какие-то доводы, не ограничиваясь простой констатацией рублевого эквивалента (фрагмент 3).

Фрагмент 3

Мужчина, 24 года, работает, Калуга

1. **И:** За какую минимальную зарплату Вы сейчас согласились бы работать?

2. **Р:** Минимальную? Ну, если прямо минимальную (пауза), тысяч двадцать, наверное.
3. **И:** Хорошо, а сколько рублей в месяц Вы хотели бы получать, чтобы жить в достатке? То есть ни в чем себе не отказывая?
4. **Р:** Ну, на данный момент, я бы хотел от пятидесяти, а когда я начну получать пятьдесят, мне хватит сто.

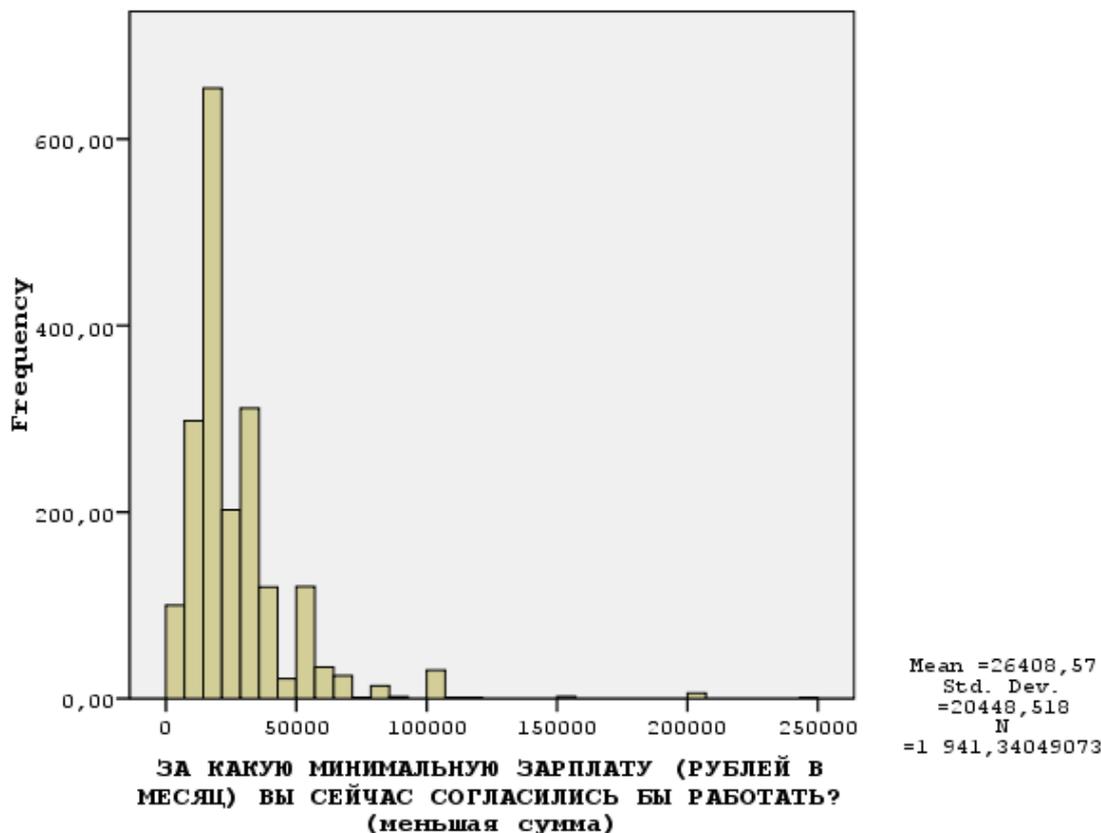
Применяя инструмент выделения из распределения равных по объему интервалов (visual binning) и задав три точки разбиения, мы получили четыре интервала: от 0 до 15 тыс. руб., от 15 до 20 тыс. руб., от 20 до 30 тыс. руб. и от 30 до 250 тыс. руб. (табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос о минимальной заработной плате*

Ответы, тыс. руб.	Частота	%	Валидный %	Накопленный %
[0; 15]	700	35	36	36
[15; 20]	353	18	18	54
[20; 30]	449	22	23	77
[30; 250]	440	22	23	100,0
Итого	1941	97	100,0	
Нет ответа	59	3		
Всего	2000	100,0		

*«За какую минимальную зарплату (рублей в месяц) вы сейчас согласились бы работать?» Вопрос открытый. Ответы агрегированы в четыре группы.

Вопрос оказался хорошим измерителем текущего экономического положения человека. Люди с низкими доходами, как правило, точно называли либо свой текущий заработок, либо сумму, покрывающую минимальный уровень потребления, с высокими — минимальную величину, достаточную для комфортного проживания. В результате мы получили весьма надежный измеритель благосостояния, не вызывающий излишних опасений респондентов и одновременно хорошо дифференцирующий выборку. Средняя оценка минимального дохода составила чуть более 26 тыс. руб. (станд. откл. = 20 тыс. руб.), основной массив ответов не выходит за интервал 100 тыс. (рис. 1).

Cases weighted by Вес для выравнивания выборки по полу.

Рисунок 1 - Гистограмма минимального дохода
(по оси ОХ — сумма дохода в руб., по оси ОУ — количество ответивших, чел.)

В региональном разрезе наиболее высокие требования к минимальной заработной плате предъявляются жителями Москвы и Санкт-Петербурга, районов Севера, части сибирских и многих, за исключением Приморского края, Биробиджанской АО и Сахалинской области, дальневосточных регионов (см. карту). Странным выглядит попадание в список регионов с высокими требованиями к заработной плате Калужской области. Однако это можно списать на ошибки репрезентативности. Построенная карта служит больше для иллюстрации, нежели для отражения устойчивых тенденций, поскольку объем общероссийской выборки в 2 тыс. опрошенных не позволяет говорить о репрезентативности в региональном разрезе.

Минимальные требования к оплате труда (средние оценки по регионам)*

Цифры на карте обозначены:

1 Белгородская обл.	8 Пензенская обл.	15 Волгоградская обл.	28 Карачаево-Черкесская Республика	35 Республика Бурятия	42 Нижегородская обл.
2 Владимирская обл.	9 Ивановская обл.	16 Астраханская обл.	29 Республика Башкортостан	36 Республика Марий Эл	43 Пензенская обл.
3 Воронежская обл.	10 Костромская обл.	17 Республика Адыгея	30 Республика Мордовия	37 Пермская обл.	44 Пермский край
4 Ивановская обл.	11 Курганская обл.	18 Республика Алтай	31 Республика Татарстан	38 Коми-Пермяцкий АО	
5 Калужская обл.	12 Тамбовская обл.	19 Республика Ингушетия	32 Чувашская Республика	39 Самарская обл.	
6 Кировская обл.	13 Тульская обл.	20 Кабардино-Балкарская Республика	33 Чукотский АО	40 Саратовская обл.	
7 Кировская обл.	14 Ярославская обл.	21 Ставропольский край	34 Чувашская Республика	41 Ульяновская обл.	

* За какую минимальную зарплату (рублей в месяц) Вы сейчас согласились бы работать?

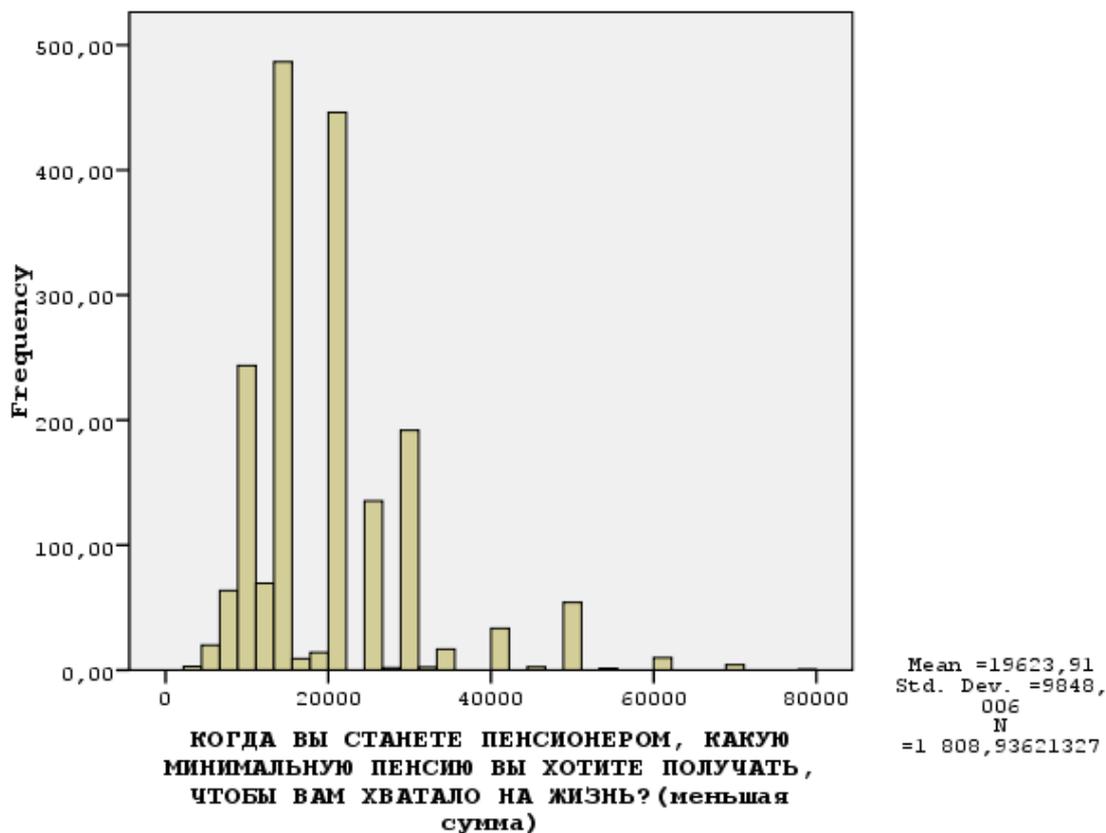
Итак, вопрос о минимальных доходах позволяет сделать предположения о текущем экономическом положении человека, его представлениях и требованиях к оплате труда. Именно этот признак станет для нас основной зависимой переменной, по которой мы будем реконструировать стоимостные границы текущих доходов, необходимых и достаточных для формирования пенсионных отчислений. Чрезвычайно важно, чтобы отчисления по накопительным платежам воспринимались человеком как осмысленные и значимые, а не как очередное принудительное ограничение текущих доходов со стороны государства.

Диапазон ожиданий от доходов в пенсионном возрасте

Задавая вопрос о минимальной пенсии, которой бы хватало на жизнь, мы опасались, что люди будут давать неправдоподобно завышенные оценки. Нереалистичное отношение к будущему, отсутствие долгосрочной перспективы, нежелание и неумение планировать собственные расходы и доходы — доводы, которыми можно руководствоваться в такой гипотезе. Однако в среднем россияне достаточно трезво оценивают экономические перспективы старения. Они понимают и готовы обсуждать снижение достатка в старшем возрасте. Если средняя величина минимальной оплаты труда, за которую можно работать, оценивается опрошенными около 26 тыс. руб. (станд. откл. = 21 тыс. руб.), то будущие пенсионные поступления — 20 тыс. руб. (станд. откл. = 10 тыс. руб.).

Совокупные ответы о будущих приемлемых для жизни пенсиях практически не выходят за границу 35 тыс. руб. (рис. 2). Безусловно, это не реалистичная в сопоставимых ценах

величина, но и не фантастическая, абсолютно не реализуемая с точки зрения будущих доходов.

Cases weighted by Вес для выравнивания выборки по полу.

Рисунок 2 - Гистограмма ожиданий минимальной пенсии

(по оси ОХ — сумма пенсионных поступлений в руб., по оси ОУ — количество ответивших, чел.)

Завышенные суммы пенсионных начислений (по отношению к текущим доходам), как правило, называют люди с низким заработком или безработные и объясняют их оценками минимального прожиточного уровня. Так, молодой, временно не работающий мужчина называет будущую минимальную пенсию в размере 30 тыс. руб., чтобы хватало на коммунальные платежи. В ответах на следующие вопросы он возвращается к текущим материальным затруднениям своих родителей, указывая, что текущие пенсии практически не оставляют шансов на существование.

Фрагмент 4

Мужчина, 30 лет, временно не работает, г. Лабинск, Краснодарский край

1. **И:** Когда Вы станете пенсионером, какую минимальную пенсию Вы хотели бы получать, чтобы хватало на жизнь?
2. **Р:** Тридцать, чтоб хватало (пауза) — за свет, за газ платить. Я просто смотрю по нашим родителям, старикам, как бы оно, мало им. Как бы даже в (неразборчиво) поехали с мамой, заплатили за газ пять двести, а от газа поехали сразу. Пенсию она получала семь четыреста. Получается, смотрите, две двести — это, грубо говоря, жить ей надо месяц. И за свет мы не платили. Это я образно говорю.

Женщина, получающая пенсию по инвалидности, подчеркивает, что последняя должна давать «возможность жить безбедно» (фрагмент 5, строка 1). Указывая на свою пенсию в

размере 5 тыс. руб., она в качестве минимальной пенсии называет сумму в 10–15 тыс. руб., иначе денег не хватит даже на лекарства.

Фрагмент 5

Женщина, 51 год, на пенсии по инвалидности, г. Ставрополь

1. **Р:** Пенсия должна дать нам возможность безбедно жить, чтобы не зависеть ни от кого. Но сейчас у меня пенсия, предположим, по болезни. Как вы думаете, пять тысяч мне хватит прожить или нет?
2. **И:** Нет.
3. **Р:** Я смотрю на старушек, которые в больнице, они в шоке, так же как и я, когда видят, сколько лекарства стоят и все остальное. Я в шоке и не знаю, что дальше будет с нашей пенсией. Просто страшно (вздыхает).

На основании вопроса о минимальном доходе и предстоящей пенсии можно рассчитать субъективный коэффициент замещения², который показывает, какую долю текущих представлений о минимальном доходе занимают ожидаемые минимальные пенсионные поступления:

$$K_{\text{покр}} = P_{\text{min}} / \Delta_{\text{min}}, \quad (2)$$

где $K_{\text{покр}}$ — коэффициент замещения (субъективный),
 P_{min} — минимальная пенсия, чтобы хватало на жизнь,
 Δ_{min} — минимальный доход, за который респондент согласился бы работать.

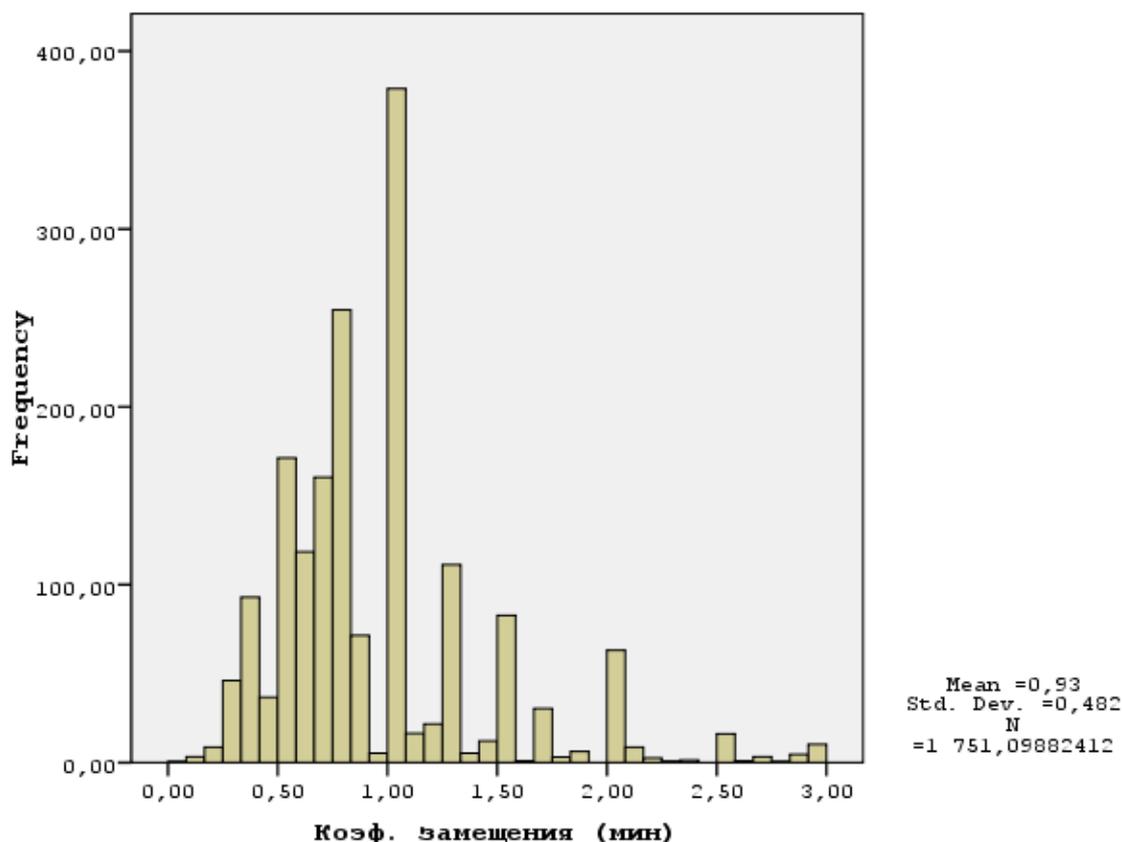
В.С. Назаров отмечает, что коэффициент замещения не может рассматриваться в качестве идеального измерителя степени достатка пожилого населения: «...для населения с низким уровнем заработной платы даже выплата пенсии на уровне прожиточного минимума будет означать высокий коэффициент замещения (например, в настоящее время наибольший коэффициент замещения у работников сельского хозяйства, что отнюдь не означает высокого уровня социальной защищенности данных слоев населения). У населения с высокой заработной платой, напротив, даже относительно высокая государственная пенсия обеспечит лишь мизерный коэффициент замещения. Скорее всего, для анализа благосостояния пожилого населения необходимо оценивать два соотношения: во-первых, минимальной и средней пенсии к величине прожиточного минимума; во-вторых, среднего дохода до выхода на пенсию к среднему доходу после выхода на пенсию» [7, с. 101]. Как мы покажем ниже, тенденция большего коэффициента замещения среди менее доходных групп сохраняется. Однако для нас этот показатель важен не с точки зрения представлений о благосостоянии, а с позиции осмысленности долгосрочного планирования, реалистичности прогнозов, воспроизводимых респондентами во время телефонного разговора. Субъективный коэффициент замещения в первую очередь показывает, насколько конструктивным и обдуманым может быть беседа о материальном состоянии на пенсии, насколько человек готов к принятию долгосрочных финансовых решений, экономическому анализу выгод и рисков от накопительной системы пенсионного страхования.

² Мы придерживаемся логики традиционного коэффициента замещения, принятой в актуарном анализе уровня пенсионного обеспечения в РФ. Рассчитываются три вида коэффициента замещения применительно к трудовой пенсии: 1) исходя из размера среднемесячной начисленной заработной платы в РФ, 2) исходя из размера среднемесячной начисленной заработной платы в регионе и 3) исходя из размера среднемесячного заработка пенсионера.

Гэри Бартлес называет четыре основные трудности для оценки, планирования и, тем более, обеспечения поступлений в старшем возрасте [12, р. 84]: во-первых, многие работники не обладают достаточным самоконтролем, необходимым для оценки личных потребностей в столь отдаленном будущем. Для получения некоторых благ в будущем работник должен отказываться от благ в настоящем, откладывая их потребление на значительный срок. Соответственно, ошибка в представлениях может привести либо к необоснованным тратам (транжиры), либо к неоправданно большим сбережениям (экономы). Во-вторых, большинство работников не в состоянии рассчитать приемлемый процент сбережений, чтобы обеспечить себя в старости. В таких расчетах надо делать поправки на доходность финансовых инструментов и инфляционные риски, что попросту неизвестно и непонятно многим рядовым гражданам. В-третьих, очень сложно оценить риски прерывания поступлений, связанных с безработицей, болезнью, банкротством работодателя, иными формами нетрудоспособности или снижения уровня доходности. В-четвертых, при долгосрочном планировании всегда остается риск недооценки предстоящих поступлений, которых окажется недостаточно. Безусловно, в коротком телефонном разговоре не может быть и речи о взвешенных оценках, построенных на расчетах и экономических прогнозах. Однако перечисленные угрозы в той или иной мере присущи и спонтанным ответам. Для одних респондентов подобные вопросы оказываются полной неожиданностью, для других — вполне приемлемой формой рассуждения о будущем. Субъективный коэффициент замещения как раз и показывает, насколько адекватны представления наших собеседников реалиям, с которыми они столкнутся в будущем.

В среднем по выборке коэффициент субъективного замещения составляет 0,97 (станд. откл. = 0,597). Однако среднее значение немного смещено за счет выпадающих оценок, когда отдельные фантазеры или недобросовестные собеседники, более настроенные на иронию и балагурство, нежели на серьезное обсуждение, называли будущие минимальные пенсионные поступления в несколько раз больше текущих минимальных доходов. Если ограничить массив ответами, не выходящими за пределы трехкратного увеличения, среднее значение коэффициента покрытия снижается до 0,93 (станд. откл. = 0,482). Снижение среднего значения сопровождается значительным сокращением стандартного отклонения, что указывает на более устойчивые характеристики получаемой модели.

Хотя мода полученного распределения приходится на единицу, т.е. больше всего людей приравнивает минимальную пенсию к текущему минимальному доходу, в абсолютных значениях подавляющее большинство ответивших говорит о меньшей сумме (рис. 3).

Cases weighted by Вес для выравнивания выборки по полу.

Рисунок 3 - Распределение коэффициента субъективного замещения
(по оси ОХ – значение коэффициента, по оси ОУ – количество ответивших, чел.; значения коэффициента «≥5» исключены из анализа)

На основе распределения коэффициента субъективного замещения можно построить типологию отношения к доходам в старшем возрасте. Людей, у которых коэффициент субъективного замещения не достигает половины их минимальных требований к текущей заработной плате, можно назвать реалистами. Они отдают себе отчет в том, что выход на пенсию связан с существенным сокращением доходов. Если коэффициент замещения находится в границах от 0,5 до 1, причем 0,5 входит в диапазон, а 1 нет, перед нами оптимисты. Они понимают, что пенсия не может быть выше или равна заработной плате, но предполагают, что минимальный ее уровень должен приближаться к минимальному уровню приемлемой для них сейчас оплаты труда. Другими словами, оптимисты не хотят рассматривать возможность снижения уровня жизни и видят себя в будущем в схожей ситуации, с тем же набором потребностей и структурой затрат. Если коэффициент замещения располагается в границах от 1 до 1,5, мы имеем дело с фантазерами. Они надеются на улучшение ситуации в будущем. Подходя к ситуации вполне реалистично и не сильно увеличивая минимальные требования к доходам, они, тем не менее, видят себя более преуспевающими экономически в старшем возрасте, нежели сейчас. Наконец, людей в старшем возрасте, называющих минимальную пенсию, от 1,5 до 3 раз включительно превышающую их минимальные требования к текущей зарплате, мы назвали аутистами. Они либо не слышат вопроса и говорят о чем-то своем, либо не хотят задуматься о реалиях, которые их ждут в старшем возрасте. Разговор с аутистами о доходах чреват взаимным непониманием, поскольку не ясно, на каких основаниях они выносят те или иные суждения. Люди, у которых представление о минимальной пенсии в 3 и более раз превышает представление о текущей минимальной оплате труда, исключены из анализа. Мы

предполагаем, что в данном случае перед нами ошибки регистрации данных либо сбои в коммуникации, когда ни интервьюер, ни респондент не понимают, о каком вопросе идет речь.

Таблица 3 Распределение респондентов по отношению к доходам в старшем возрасте

Типы	Частота	%	Валидный %	Накопленный %
1 Реалисты	188	9	11	11
2 Оптимисты	781	39	45	55
3 Фантазеры	546	27	30	86
4 Аутисты	236	12	13	100
5 Всего	1751	88	100	
6 Пропущенные данные	249	12		
ИТОГО	2000	100		

Оптимисты – наиболее многочисленная группа – 45% ответивших, за исключением пропущенных данных (люди, дающие оценки предстоящей пенсии, в 3 раза и более превышающей представления о допустимых текущих доходах). Затем следуют фантазеры – 30%, аутисты – 13% и, наконец, реалисты – 11% (табл. 3, рис. 4).

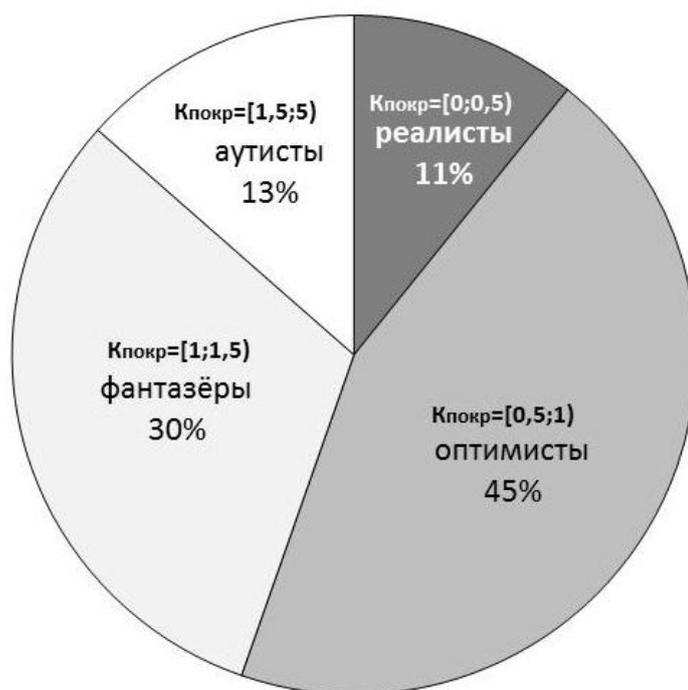

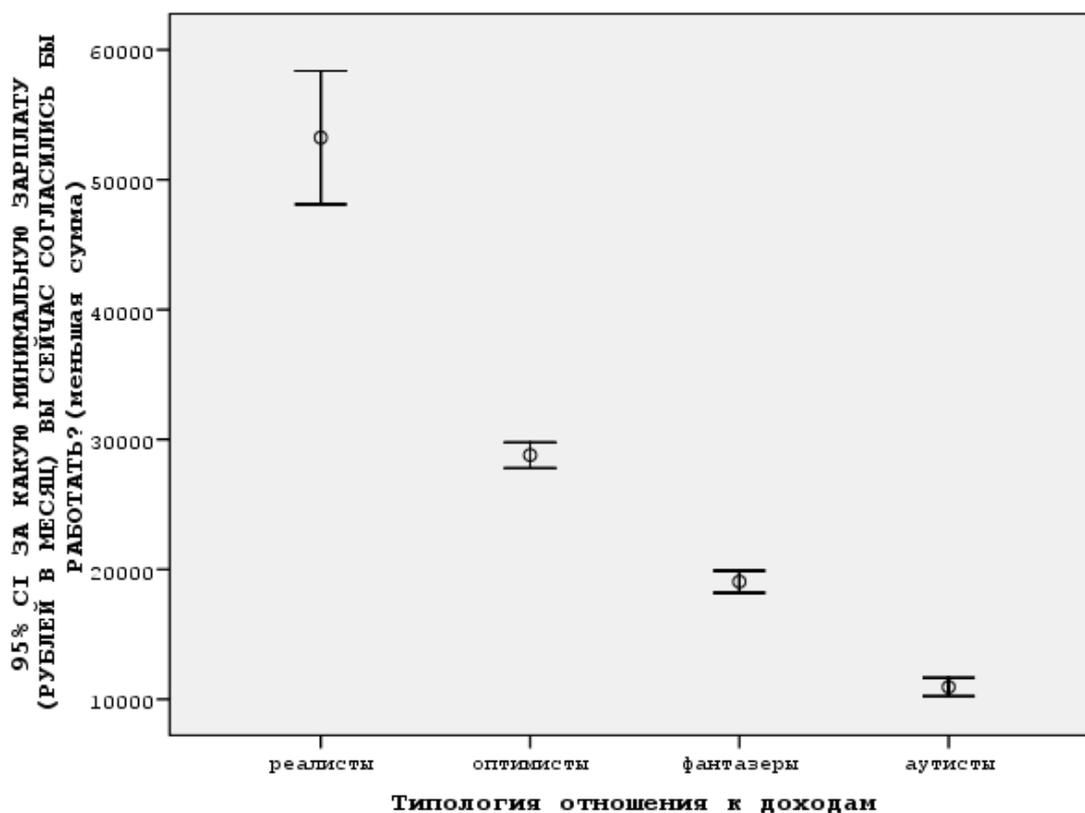
Рисунок 4 - Типология отношения к доходам в старшем возрасте (построена по коэффициенту покрытия ($K_{покр}$), валидный процент без учета пропущенных данных)

Вести разговоры о планировании пенсионных поступлений, различать накопительную и страховую части пенсии имеет смысл лишь с реалистами и оптимистами, которые, как минимум, понимают общее соотношение доходов людей трудоспособного и пенсионного возрастов. Несмотря на низкую финансовую культуру населения, их оказалось чуть более половины, что весьма обнадеживает, поскольку позволяет всерьез вести речь о рациональных основаниях пенсионных накоплений.

Примечательно, что реалисты высказали максимальные по отношению к представителям других групп требования к приемлемой оплате труда. Кроме того, наблюдается прямая зависимость между типологией, опирающейся на коэффициент замещения, и оценками минимальной заработной платы ($F=288,611$, $df=3$, $p<0,000$). Чем менее люди требовательны к величине текущего дохода, тем менее реалистично они смотрят в будущее, тем более фантастические оценки дают о приемлемых поступлениях в старшем возрасте (табл. 4, рис. 5).

Таблица 4 Средние значения минимальной заработной платы в разных типах финансовых ожиданий

Типология отношения к доходам в старшем возрасте	Среднее значение, руб.	Частота, чел.	Станд. откл., руб.
Реалисты	53 242	188	35 746
Оптимисты	28 795	781	14 121
Фантазеры	19 052	546	10 086
Аутисты	10 945	236	5505
Всего	25 986	1751	19 758

Cases weighted by Вес для выравнивания выборки по полу.

Рисунок 5 - Оценка разброса значений минимально допустимой заработной платы в соответствии с типами отношения к доходам в старшем возрасте

Связь между переменными минимально допустимой текущей оплаты труда и построенной типологией по отношению к доходам в старшем возрасте настолько сильна, что можно предположить зависимость между осмысленными представлениями о финансовом и экономическом состоянии в будущем и текущими доходами. Лишь после определения

минимальной суммы доходов, чуть превышающей 50 тыс. руб. в месяц, с большой долей вероятности этот человек будет рационально подходить к своим пенсионным накоплениям, выступать грамотным и вдумчивым партнером для государственной пенсионной системы (см. «реалисты», рис. 4). В свою очередь, если текущие притязания не поднимаются выше 20 тыс. руб. в месяц, то вести разговор о долгосрочных накоплениях не имеет смысла (см. «фантазеры», рис. 4). Для этих людей их собственное финансовое будущее выглядит слишком нереальным и далеким, чтобы не иронизировать и не воспроизводить нереальные ответы.

Типология потребительского поведения

Столкнувшись со значительными трудностями в измерении уровня доходов в массовых опросах, исследователи давно освоили косвенные формы замеров (подробнее см.: [8, с. 104–106]). Один из них — оценка субъективного благосостояния семьи. От респондента требуется оценить, на что хватает денег в семье: только на продукты питания или еще остается на одежду, бытовую технику, автомобиль, квартиру. Анкетные вопросы повторяются из опроса в опрос и мало варьируются, как правило, по числу закрытий и незначительным изменениям их формулировок. Так, учитывая ограничения на длительность высказывания в телефонном опросе и невозможность представления карточки, мы выбрали 5-балльную шкалу. В Фонде «Общественное мнение» применяется 6-балльная шкала. ВЦИОМ использует 5-балльную шкалу, однако добавляет более развернутые формулировки закрытий. Например, первое закрытие, предлагаемое нами в телефонном опросе, звучит как «денег не хватает на продукты питания», ФОМ дает формулировку «денег не хватает даже на продукты питания», ВЦИОМ — «мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания». Несомненно, конструктивные изменения вопроса приводят к смещениям в ответах. Однако объяснять различия в распределениях лишь изменениями в формулировках вопросов ошибочно. Так, по приведенному первому варианту, ВЦИОМ дает наиболее претенциозное закрытие, делая акцент на том, что человек живет в нищете, однако доля ответивших таким образом оказывается не ниже, чем в телефонном опросе, где приводится наиболее нейтральная формулировка, констатирующая факт нехватки денег (табл. 5).

Таблица 5 Субъективные оценки благосостояния семьи, (валидный % по столбцу от всех ответивших*)

Оценки**	Телефонный опрос (РАНХиГС), ноябрь 2012	Поквартирный опрос (ПЕНТА, ФОМ), ноябрь 2012	Поквартирный опрос (МегаФОМ), июль 2012	Поквартирный опрос ВЦИОМ, июль 2011
Денег НЕ хватает на продукты питания	5	12	10	5
Денег хватает только на продукты питания и лекарства	17	24	21	25
Денег хватает на продукты питания и одежду, на более крупные покупки НЕ хватает	47	40	43	51
Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, покупка КВАРТИРЫ недоступна	27	23	25	16
Денег хватает на все, в том числе и квартиру	4	4	5	1
* Валидный % считается без затруднившихся с ответом, по текущему опросу из 2000 человек отказались от ответа 24, или 1%.				
.** Оценки даны в формулировках текущего телефонного опроса. Фонд «Общественное мнение» применяет 6-балльную шкалу с несколько отличающимися закрытиями: 1) денег не хватает даже на питание, 2) на питание				

денег хватает, но одежду, обувь купить не можем, 3) на одежду, обувь денег хватает, но крупную бытовую технику купить не можем, 4) на бытовую технику денег хватает, но автомобиль купить не можем, 5) на автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем, 6) на квартиру или дом денег хватает. В таблице объединены четвертое и пятое закрытия в опросах ФОМа. ВЦИОМ применяет 5-балльную шкалу: 1) мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания; 2) на продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна, 3) денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели — для нас проблема, 4) мы можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на автомобиль денег нет, 5) мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое. Формально мы не можем сопоставлять данные разных конструкций вопроса, однако нам важно оценить вариативность и порядок изменения ответов на схожую смысловую конструкцию. При таком решении можно выносить лишь приблизительные оценки.

Очевидно, что поквартирные опросы устойчиво дают смещение к низкодоходным группам. На это оказывают влияние несколько факторов. Во-первых, особенности реализации выборки, в которых отсутствует процедура повторных посещений. Во-вторых, большая вероятность отсутствия дома трудоспособной части населения, имеющей большой доход (это связано и со смещением в сторону семей с более низким доходом). В-третьих, большой уровень отказов среди людей с большим доходом в поквартирных опросах, в отличие от телефонных. Для точной оценки величины смещений требуется проведение дополнительных экспериментальных планов. Однако уже сейчас можно выдвинуть гипотезу большей валидности телефонного опроса для изучения материального благосостояния семей.

По нашим данным, чуть менее трети населения, или 31%, имеют рациональные основания для сбережений (табл. 5). Другими словами, именно эта группа может позволить себе потребление товаров длительного пользования, а следовательно, располагает остатками денежных средств, полученных как разница между текущими доходами и расходами. Вместе с тем, на прямой вопрос о сбережениях в семье в течение года 41% респондентов отвечают положительно.

В конструкции вопроса годовой временной промежуток введен неслучайно. Любая семья, получая разовые поступления, вынуждена распределять расходы в течение месяца, тем самым формально сберегая часть полученных средств. Именно годовой цикл сбережений позволяет уловить разницу между текущим планированием и проведением расходов и некоторого рода бытовым инвестиционным поведением.

Из двух вопросов о субъективной оценке покупательской способности и возможности делать накопления (рис. 6) можно построить типологию потребителей, опираясь на некоторую предзаданную аксиоматику рационального поведения. Имея незначительные доходы, еле покрывающие текущие нужды, рационально тратить все в текущий период, не делая накоплений, и, напротив, обладая избытком денежных средств, рационально делать какие-то накопления для более долгосрочного планирования своих покупок.

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛУЧАЕТСЯ ЛИ У ВАШЕЙ СЕМЬИ ДЕЛАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА?

		Да	Нет
КАКАЯ ИЗ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?	Денег НЕ хватает на продукты питания	0%	4%
	Денег хватает только на продукты питания и лекарства	3%	14%
	Денег хватает на продукты питания и одежду, на более крупные покупки НЕ хватает	18%	29%
	Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, покупка КВАРТИРЫ недоступна	17%	10%
	Денег хватает на все, в том числе и квартиру	2%	2%

Рисунок 6 - Пространство признаков потребительского поведения, %

Первую группу условно назовем рационалами бедными, вторую — богатыми. Отклонение от такого поведения дает группу экономов, т.е. осуществляющих сбережения даже при скудном доходе, и транжир, растрачивающих значительные относительно среднего уровня доходы в текущем периоде (рис. 7).

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛУЧАЕТСЯ ЛИ У ВАШЕЙ СЕМЬИ ДЕЛАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА?

		Да	Нет
КАКАЯ ИЗ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?	Денег НЕ хватает на продукты питания	ЭКОНОМЫ	РАЦИОНАЛЫ бедные
	Денег хватает только на продукты питания и лекарства		18%
	Денег хватает на продукты питания и одежду, на более крупные покупки НЕ хватает	21%	40%
	Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, покупка КВАРТИРЫ недоступна	21%	ТРАНЖИРЫ
	Денег хватает на все, в том числе и квартиру	РАЦИОНАЛЫ состоятельные	

Рисунок 7 - Типология потребителей, %

Рациональные типы мы взяли в более «ядерных», устойчивых формах, чтобы снять излишние сомнения в их рациональности. Рационалы бедные, растрачивающие все доходы в текущем периоде, состоят из людей, чье потребление, как правило, не выходит за пределы продуктов питания и лекарств. Рационалы богатые располагают возможностью расходовать средства на товары длительного пользования и отдых. В таком разбиении самой многочисленной группой оказались транжиры — люди, не утруждающие себя сбережениями, что в целом отражает реалии потребительского поведения в современной России. Оставшиеся группы примерно одинаковы по численности. Остановимся чуть подробнее на социально-демографических особенностях каждой группы.

Среди экономов и транжир в равной степени представлены мужчины и женщины. Рациональный тип потребительского поведения заметно отличается по полу ($\chi^2=32,111$, $df=3$, $p<0,000$): женщины преобладают среди бедных рационалов, мужчины — среди состоятельных (табл. 6). Другими словами, с одной стороны, женщины менее склонны к накоплению. Однако в бедных семьях, где доход покрывает лишь приобретение товаров первой необходимости, их поведение чаще рационально; в состоятельных семьях, где доход позволяет сберегать, — чаще иррационально. По всей выборке на вопрос о возможности делать сбережения в течение года положительно отвечают 46% мужчин и только 38% женщин ($\chi^2=14,063$, $df=1$, $p<0,000$). С другой стороны, женщины гораздо чаще мужчин указывают на недостаток материальных средств, необходимых для удовлетворения основных нужд. Среди тех, кому денег не хватает даже на продукты питания, 62% женщин; кому хватает на продукты питания и лекарства — 59%; кому хватает на продукты питания и одежду, но не хватает на более дорогие покупки — 49%; кому хватает на товары длительного пользования, но покупка квартиры недоступна — 43%; у кого денег достаточно на все — 28% женщин ($\chi^2=41,774$, $df=4$, $p<0,000$). Перед нами линейная зависимость между субъективными представлениями о доходах и полом, что подчеркивает укорененное в обществе гендерное неравенство. На смещенные экономические возможности женщин и мужчин при схожих условиях проживания полов на протяжении нескольких десятилетий указывают зарубежные исследователи. Анализируя опыт развитых европейских стран, они подчеркивают устойчивые формы гендерного неравенства, воспроизводимого из поколения в поколение [10, 15]. Несмотря на многочисленные законодательные инициативы по защите прав женщин, они по-прежнему остаются весьма незащищенной и депривированной группой.

Таблица 6 Социально-демографические характеристики разных типов потребителей, % по столбцу

Социально-демографические переменные		Типология потребителей				Итого
		ЭКОНОМЫ	РАЦИОНАЛЫ бедные	РАЦИОНАЛЫ состоятельные	ТРАНЖИРЫ	
Пол (мужчины)		51%	40%	60%	52%	51%
Возраст	18–25	21%	10%	31%	21%	20%
	26–32	20%	17%	21%	21%	20%
	33–42	23%	22%	27%	25%	24%
	43–60	35%	51%	21%	33%	34%
Работает		77%	64%	78%	78%	75%
Образование	Неполное среднее и среднее общее	23%	31%	12%	22%	22%
	Среднее профессиональное	39%	42%	36%	40%	39%
	Высшее и неполное высшее	37%	26%	52%	38%	38%
Место жительства	Региональный центр (областной, республиканский)	43%	33%	54%	40%	42%
	Другой город, поселок городского типа	36%	38%	36%	42%	39%
	Село, деревня	21%	30%	10%	18%	19%

Транжиры и экономы примерно одинаково распределены в разных возрастных группах. Их состав не отличается от средних значений по выборке. Значимые различия вносят рационалы в двух крайних возрастных группах ($\chi^2=92,074$, $df=9$, $p<0,000$). Среди молодежи от 18 до 25 лет доминируют состоятельные рационалы, заявляющие о собственном достатке и возможности откладывать сбережения в течение года. Среди старшего поколения от 43 до 60 лет выделяются бедные рационалы, практически не имеющие средств на покупки и полностью расходующие свои текущие доходы (табл. 6). Кроме фактического перекоса структуры оплаты труда в сторону молодого поколения, на столь значимый сдвиг могут оказывать влияние как сниженные потребности (ограничение в выборе продуктов питания в пользу другой продукции, в первую очередь одежды, техники и различной электронной аппаратуры), так и перераспределение денежных средств в семье (старшее поколение инвестирует в молодых, создавая у них иллюзию достатка). Однако последняя интерпретация не согласуется с тем, что субъективный достаток сильно детерминирован наличием работы. Среди бедных рационалов заняты трудовой деятельностью 64%, среди остальных групп — около 78% ($\chi^2=32,496$, $df=3$, $p<0,000$). Наличие высшего образования и отсутствие профессионального сильно детерминируют потребительское поведение: первое приводит к росту состоятельных рационалов, второе — бедных ($\chi^2=67,044$, $df=6$, $p<0,000$). Соответственно, проживание в региональном центре в отличие от деревни или села оказывает аналогичное влияние ($\chi^2=61,491$, $df=6$, $p<0,000$). В городах концентрируются люди с большим заработком и практиками накопления: 54% состоятельных рационалов проживают в региональных центрах, в отличие от 42% в среднем по выборке; 30% бедных рационалов живут в селах и деревнях, в отличие от 19% в среднем по выборке.

Экономы и транжиры практически не зависят от социально-демографических признаков. Они в равных пропорциях распределены по всем социальным стратам. Только по месту жительства заметно незначительное смещение типов от средних оценок: в небольших городах и поселках немногим чаще встречаются транжиры и реже экономы: 37 и 42% соответственно в сравнении с 39% жителей этой категории поселений в среднем по выборке.

Стоимостные границы осмысленного отношения к пенсионным накоплениям

Применим классификационную модель, построенную по принципу «дереьев решений». В качестве зависимой переменной возьмем минимальный уровень оплаты труда, независимых — типологию субъективного коэффициента покрытия и типологию потребителей (рис. 8).

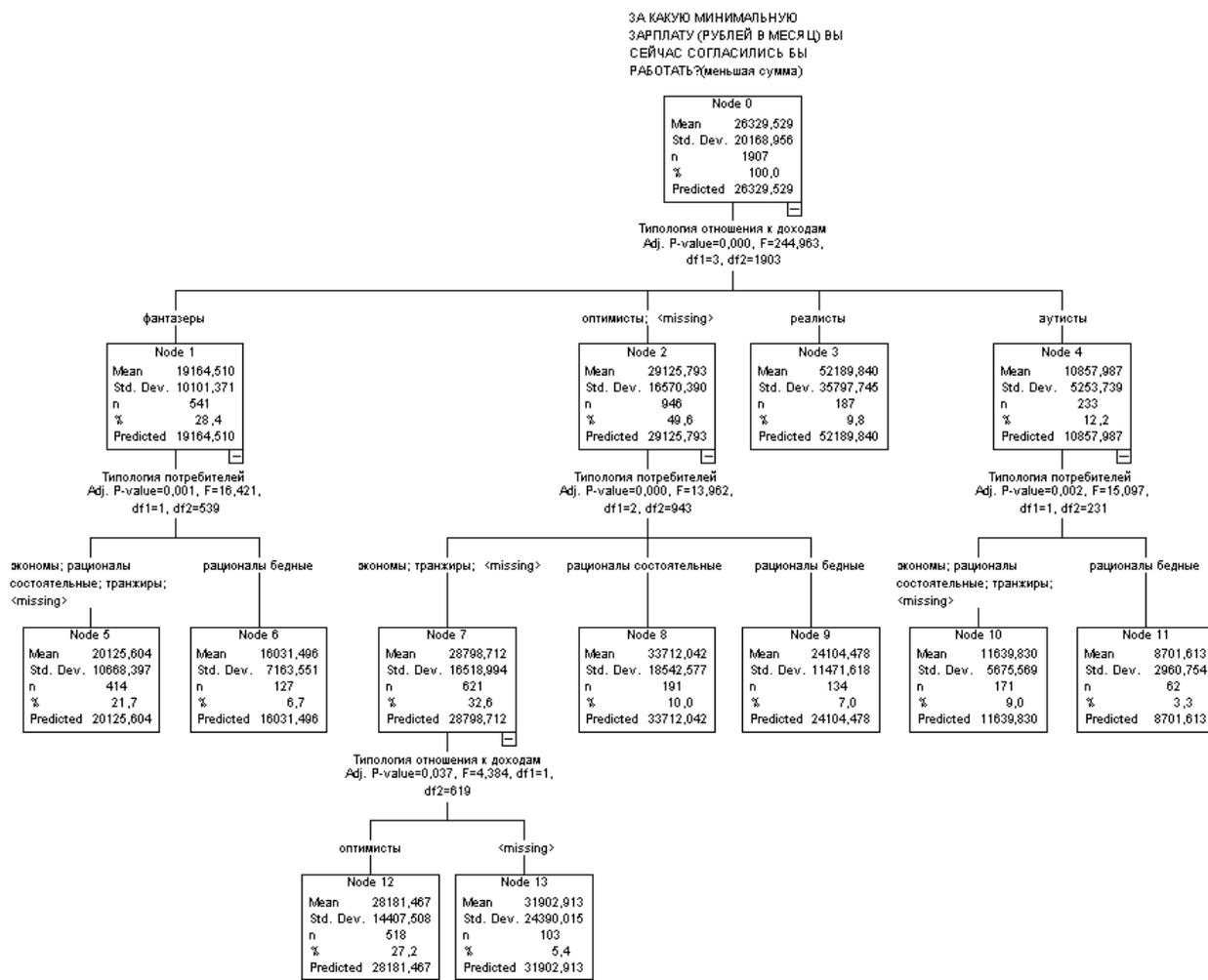

Рисунок 8 - Классификационная модель минимально допустимого уровня заработной платы

Максимальные значения приемлемой заработной платы зафиксированы у реалистов (node 3, рис. 8, табл. 7). Причем попадание в эту группу человека из любого типа потребительского поведения дает примерно равные результаты и соответствует сумме в среднем 52 190 рублей (станд. откл. = 35798 руб.). Иными словами, среднее значение минимально допустимой оплаты труда в группе реалистов уже не зависит от декларируемого ими уровня потребления и накопления. Практически аналогичная ситуация, но с противоположным знаком наблюдается у аутистов (node 4, рис. 8). Они называют минимальное по выборке требование к минимальной оплате труда: среднее значение равно 10 858 руб. (станд. откл. = 5254). Среди них наименьшие требования к оплате труда высказывают бедные рационалы (node 11, рис. 8, табл. 7)

Таким образом, перед нами конституируются два крайних интервала осмысленности разговора о накопительной части пенсионных отчислений. С доходом менее 8–10 тыс. руб. неразумно даже упоминать о такой возможности, напротив, 50 тыс. руб. в месяц — граница, открывающая поле рациональных обсуждений накопительной системы пенсионирования.

Состоятельные рационалы среди оптимистов и респондентов, не попавших ни в одну категорию (пропущенные данные), дают пограничную величину осмысленного отношения к накопительной системе пенсионирования (node 8, рис. 8, табл. 7). С минимальными требованиями к заработной плате чуть выше 30 тыс. рублей в месяц, обеспечивая достойное существование семьи, имея средства и желание к накоплению, эти люди вполне могут

принимать рациональные финансовые решения в долгосрочной перспективе. Несколько завышенные ожидания от будущих пенсионных поступлений не мешают им взвешенно подходить к планированию своего будущего, возможно через поиск дополнительных источников доходов.

Таблица 7 Итоговый список групп по минимально допустимому уровню заработной платы*

Группа (Node)		Опрошено		Минимально допустимый уровень оплаты труда (среднее значение), руб.
№	Описание	Чел.	%	
3	Реалисты	187	9,8%	52 189,84
8	Рационалы состоятельные среди оптимистов и людей, не включенных в классификацию по потреблению	191	10,0%	33 712,04
13	Экономы и транжиры среди не включенных в классификацию по потреблению	103	5,4%	31 902,91
12	Оптимисты среди экономов и транжир	518	27,2%	28 181,47
9	Рационалы бедные среди оптимистов и не включенных в классификацию по потреблению	134	7,0%	24 104,48
5	Экономы, рационалы состоятельные, транжиры и не включенные в классификацию по потреблению среди фантазеров	414	21,7%	20 125,60
6	Рационалы бедные среди фантазеров	127	6,7%	16 031,50
10	Экономы, рационалы состоятельные, транжиры и не включенные в классификацию по потреблению среди аутистов	171	9,0%	11 639,83
11	Рационалы бедные среди аутистов	62	3,3%	8 701,61
*Growing Method: CHAID; Зависимая переменная: За какую минимальную зарплату (рублей в месяц) вы сейчас согласились бы работать? (меньшая сумма)				

Самая многочисленная категория, в которую попадает 27% респондентов, состоит из экономов и транжир, оптимистично смотрящих в свое пенсионное будущее (node 12) – двух противоположных типов по шкале потребления. Называя достаточно высокие относительно среднего уровня требования к минимальной заработной плате (28 181 руб., станд. откл. = 14 407 руб.), они по-разному ведут себя на потребительском рынке. Одни, обладая достаточными средствами, не стесняются в расходах, тратя все поступления в текущем месяце, другие, с довольно скромным бюджетом, находят возможности копить. Обе стратегии не являются рациональными, поскольку в первом случае происходит завышение текущих расходов, что создает дополнительные будущие риски, связанные с колебаниями конъюнктуры трудового или финансового рынка, во втором – расходы неоправданно занижаются, что приводит к снижению текущего уровня жизни, скромному потреблению и нереализации и так весьма ограниченных возможностей. Необходимость принудительной политики государства по обязательному пенсионному страхованию среди людей, обладающих достаточными средствами, но не задумывающимися о личных инвестициях, не вызывает сомнения. Столь неосмотрительное поведение создает дополнительные риски не только для них лично, но и для членов семей, которые ведут единый бюджет. Низкодоходные, но одновременно высоконадежные пенсионные накопления дают минимальный страховой уровень (а для людей, привыкших расходовать средства, он несколько выше, чем, например, для экономов) по достижению пенсионного возраста. Второй группе оптимистично настроенных экономов государство должно обратить пристальное внимание, провести ознакомительную работу с существующими особенностями финансовой системы, возможными рисками и выигрышами от вложения средств в долгосрочные финансовые инструменты. В этой группе оправдана обязательная система пенсионного страхования, принуждающая индивида задуматься о

долгосрочной перспективе и вкладывать средства в пенсионные накопления. Выигрыш экономов в такой ситуации заключается в перераспределении накоплений из рискованных (например, срочных банковских вкладов) в более надежные, гарантированные государством. При низкой текущей оплате труда весьма самонадеянно надеяться на увеличение поступлений в пенсионный период жизни, поэтому перераспределенные и накопленные средства во время трудовой деятельности стажа могут послужить страховым резервом обеспеченной старости.

Заключение

Осмысленное и рациональное отношение к деньгам демонстрируют люди, чьи минимальные требования к заработной плате превышают 50 тыс. руб. в месяц. Они реалистично подходят к планированию денежных поступлений в старшем возрасте и способны принимать самостоятельные финансовые решения, учитывающие риски и доходность инвестиций. Оригинально мыслящих людей, не попавших в типологию по отношению к доходам, можно найти среди всех групп потребителей, за исключением бедных рационалов. Демонстрируя минимальные требования к заработной плате на уровне 30 тыс. руб., одни считают такие доходы незначительными и экономят на потреблении, другие, напротив, определяют свой уровень доходов чрезвычайно низким и расходуют все средства. Однако все представители этой группы вполне подготовлены для инвестиций в свое будущее и могут участвовать в накопительной пенсионной системе. Третья, самая представительная (более половины опрошенных) и разнородная группа, объединяет людей, называемых от 20 до 28 тыс. руб. в качестве минимально допустимого дохода. Это то самое пассивное большинство, представители которого соглашались с предлагаемыми условиями и не пытаются как-то оптимизировать пенсионные поступления [20, р. 598]. Именно с ними нужно проводить интенсивную разъяснительную работу по особенностям долгосрочных финансовых вложений, выгод и угроз от накопительной системы пенсионирования. Четвертая группа, характеризующаяся наименьшими минимальными требованиями к заработной плате (не превышают 16 тыс. руб. в месяц) и наиболее фантастическими ожиданиями о будущих пенсионных поступлениях, представляет зону риска для накопительной системы. Ее представители не должны участвовать в подобных накоплениях, поскольку ни экономически, ни психологически они не готовы к осмысленным операциям на финансовом рынке.

Уровень текущих доходов способствует формированию представлений о достойном существовании, ожиданий и установок относительно доходов. Ставшие уже привычными индивидуализация и маркетизация экономических отношений в старших возрастных когортах не должны полностью игнорировать элементы солидарности и социальной безопасности [17, р. 731]. Важно установить некоторые параметры, помогающие выделить целевые группы для неолиберальных или неозтатических политических интервенций. Так, экономические детерминанты жизни могут быть объяснены через социально-психологические характеристики, что способствует формированию взвешенного подхода в построении системы пенсионного обеспечения старшего поколения.

Литература

- 1 Дмитриев М. Э. Контуры пенсионной реформы постиндустриального мира // Экономическая политика. 2010. № 2. С. 77–81.
- 2 Дмитриев М. Э. Социальные реформы в России : итоги и ближайшие перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 19–25.

- 3 Евсеев В. Пенсия как категория экономической свободы // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 10. С. 29–36.
- 4 Захаров М. Л. Международные стандарты и российская пенсионная система // Журнал российского права. 2012. Т. 9. № 189. С. 5–18 ; Т. 10. № 190. С. 19.
- 5 Крохина Ю. А. Правовое регулирование накопительной части трудовой пенсии в России : состояние и перспективы развития // Регион : системы, экономика, управление. 2012. № 1. С. 20–26.
- 6 Маурер Р., Фейгин Г. Ф., Рогалла Р. Накопительная часть пенсии как элемент реформирования пенсионных систем в России и Германии // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 6. С. 13–20.
- 7 Назаров В. С. Актуальные проблемы пенсионной реформы. М. : Дело, 2010.
- 8 Рогозин Д., Мануильская К., Климов И. Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 103–118.
- 9 Роик В. Д. Мир пожилых людей и как его обустроить. М.: Эксмо, 2011.
- 10 Bode I. From the citizen's wage to self-made pensions? The changing culture of old age provision in Canada and Germany // Current Sociology. 2007. Vol. 55. P. 696–717.
- 11 Buchmann M., Kriesi, I. Pfeifer, A. Sacchi S. Dynamics of women's employment careers : labor-market opportunities and women's labor-market exit and reentry // Social Dynamics of the life course / ed. by W.H. Heinz, V.W. Marshall. New York : De Gruyter, 2003. P. 117–142.
- 12 Burtless, G. Can improved options for private saving offer a plausible substitute for public pensions? // Politics and Society. 2012. Vol. 40. No 1. P. 81–105.
- 13 Clasen J. What future for social security? : debates and reforms in national and cross-national perspective. Bristol : Policy Press, 2002.
- 14 Fachinger U. Economic potential of the elderly : changes in wealth, income, and expenditures // Zeitschrift fur Gerontologie und Geriatrie. 2012. Vol. 45. No 7. P. 610–617.
- 15 Frericks P., Maier R., Graaf W. de. Male norms and female adjustments : the influence of care credits on gender pension gaps in France and Germany // European Societies. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 97–119.
- 16 Frericks P., Maier R. European capitalist welfare societies : the challenge of sustainability. New York : Palgrave Macmillan, 2012.
- 17 Frericks P. Capitalist welfare societies' trade-off between economic efficiency and social solidarity // European Societies. 2010. Vol. 12. No 5. P. 719–741.
- 18 Hacker J. Policy drift : the hidden politics of US welfare state retrenchment // Beyond continuity / Ed. by W. Streeck, K. Thelen. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 40–82.
- 19 Hill M. Pensions. Bristol : Policy Press, 2007.
- 20 Kawinski M., Stanko D., Ruteck J. Protection mechanisms in the old-age pension systems of the CEE countries // Journal of Pension Economics & Finance. 2012. Vol. 11. No 4. P. 581–605.
- 21 Nullmeier F. Sozialpolitik als marktregulative Politik // Zeitschrift fur Sozialreform. 2001. Vol. 41. No 6. S. 645–668.
- 22 Pension reform and income inequality among older people in 15 European countries / Vilet O. van, Been J., Caminada K. et al. // International Journal of Social Welfare. 2012. Vol. 21. Special Issue. S8–S29.

- 23 Rein M., Behrendt C. The relationship of the public/private mix with poverty and inequality // Pensions : challenges and reforms / Ed. by E. Overbye, P. A. Kemp. Aldershot : Avebury, 2004. P. 187–209.
- 24 Schram S. Welfare discipline : discourse, governance, and globalization. Philadelphia : Temple University, 2006.
- 25 World Bank. Old-age income support in the 21th century : an international perspective on systems and reforms. Washington, DC: World Bank Publication, 2005.